

**Зяма Портосович
Исламбеков**

18+

***Адриатические байки
от Зямы Исламбекова***

Зяма Исламбеков

**Адриатические байки
от Зямы Исламбекова**

«Автор»

2017

Исламбеков З. П.

Адриатические байки от Зямы Исламбекова / З. П. Исламбеков —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-9909595-3-8

Книга печатается с разрешения автора, любезно предоставившего оригинал-макет рукописи. Все перепечатки без разрешения автора категорически запрещены! Рассчитана на людей с чувством юмора и безграничной фантазией. Детям в возрасте до 18 лет не рекомендуется даже в качестве книжки-раскраски, имеются фрагменты ненормативной лексики и нецензурной брани. Использовать книжку следует только по прямому назначению. Минздрав России предупреждает: **СОДЕРЖАЩИЙСЯ НА КАЖДОЙ СТРАНИЦЕ СВИНЕЦ СПОСОБСТВУЕТ ВОЗНИКНОВЕНИЮ РЯДА РАКОВЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ОСОБЕННО ПРЯМОЙ И, МОЖЕТ БЫТЬ, ДАЖЕ ДВЕНАДЦАТИПЕРСТНОЙ КИШКИ.** Кроме того, туалетная бумага отечественного и импортного производства в пересчете на погонные метры не намного дороже испачканных свинцом книжных листов. Совет читателям с буйным воображением, пытливым умом и беспокойными ногами – не старайтесь найти автора, ему и самому достаточно непросто живется на белом свете! Вот и пишет он о наблевшем, до боли знакомом и близком... Писал, пишу и буду писать! В ближайшее время выйдут в Свет и другие шедевры, посвященные простым российским обывателям. Готовится к переизданию комедийно-приключенческий роман Зямы Исламбекова «Так уж бывает...» И не удивительно, если на экранах телевизоров Вы, дорогой читатель, увидите до боли знакомые персонажи этого или других произведений Зямы Исламбекова.

ISBN 978-5-9909595-3-8

© Исламбеков З. П., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Вместо пропедевтики	7
Часть первая. Россия	8
Обычное утро Виктора Ивановича	8
Глава первая. Без названия (типа введения)	14
Глава вторая. Меблі	16
Долбаный телефонный звонок	17
Взгляд изнутри	22
Позвонил и подъехал	27
Подготовка к туру	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зяма Исламбеков
Адриатические байки
от Зямы Исламбекова

© Текст, художественное оформление и рисунки – Зямы Исламбекова, 2017

© Изд-во «МАД», 2017

* * *

Вместо пропедвтики

Я давно слышал слова «легитимный», «девелопер», «менеджер», «промоутер», «пропедвтика»... И ещё какие-то, только сразу и не припомнить... А вот когда узнал смысл каждого из этих иностранных слов, задумался... Крепко задумался... Почему нельзя матом ругаться, а подменять русские, всем известные слова, всякой иностранщиной – можно? Почему, например, если ты не употребляешь «молодежный сленг», то ты НЕ В ТРЕНДЕ?

Почему, например, последним писком моды, особенно у баб, считается ношение дранных джинсов? То, что давно выбрасывают в США, Канаде, Австралии и других развитых странах мира на помойку, у нас продают за большие деньги?! Чудеса?

А вот ещё: каким же надо быть дебилом, чтобы за свои деньги (!) гробить своё здоровье? Это я не только про любителей fast food, Coca-Cola... Это я про курильщиков, наркоманов и алкашей. Сызмальства известно ЛЮБОМУ, что курение не просто сокращает в среднем на 9 лет жизнь, но и делает курильщика табакозависимым. Без табака он и ни туда, и ни сюда!!! Жить в семье с курильщиком и самому не курить – это сродни мазохизму вместе с каторгой и чем-то там ещё... Жуть!

А когда я слышу тост «Давайте выпьем за здоровье Иван Иваныча!», то у меня просто мурашки начинают бегать по всему телу. Бедный Иван Иванович! Ведь каждый тост в его честь, за него – это сокращение жизни всех тостующих вместе с тостуемым. И вместо всплеска радости и восторга за Ивана Ивановича собравшиеся вынуждены пить всякую гадость, всякую отраву, приговаривая стандартную ахиною вроде давно набивших всем искомину враз, типа «Эх! Хорошо пошла!», или «Пролетела-не вспотела!» и т. д., и т. п.

И ещё, по поводу названия... Адриатические байки – это самое, что ни на есть, идиотское название, которое будет, скорее, отпугивать, нежели привлекать читателя. Разве можно так называть крупные по форме и добротные по содержанию художественные произведения? Нет! Нет, нет и ещё раз нет!

В романе, претендующем на международный детектив, на острую сатиру, на приключенческий жанр и т. д., и т. п. должно быть такое название, которое бы заставляло взять книгу в руки и не выпускать её до тех пор, пока не будет полностью прочитана.

Вероятно, Зяма Исламбеков может только гайки крутить?! Водопроводчик хренов! Сантехника – это хорошо, но для написания книг нужны совершенно другие навыки, качества и способности. Как говорится, не можешь срать – не мучай жопу!

* * *

Часть первая. Россия

В 45 лет страшно уже не то, что на тебя не смотрят женщины на 15 лет тебя моложе, а то, что на тебя засматриваются женщины на 15 лет старше.

Из наблюдений Арнольда Хуеплётова

Обычное утро Виктора Ивановича

Июнь месяц, суббота, 7.00. Лабрадор Вова разбудил своего хозяина. Пора идти на прогулку. Нахальная морда, фыркающая и трущаяся о подушку, об одеяло, нализывающая и облизывающая лицо хозяина со всех сторон, во всех местах, мечущаяся из стороны в сторону, скулящая и тявкающая одновременно... Всё, что было описано, надо представлять как единое целое, вкупе с ползанием, хождением, прыганьем по дивану, по хозяину одновременно. Только собачники и собаководы могут представить истинную картину утренней радости собачника и его питомца. И нет разницы между летним и зимним утром, т. к. время всегда одно и то же, с точностью до нескольких минут. Будильник просто отдыхает в сравнении с ласковой животной по эффективности подъема в заданное время. Жаль только, что время всегда устанавливает не хозяин, а его любимец...

Все, кто по какой-либо причине не содержит дома животных, подвергают себя добровольным лишениям эмоциональных всплесков, радости и счастья от общения с четвероногими друзьями.

Я многое в жизни повидал. И пьянки с гулянками, и незабываемые путешествия, и экстрим... Но по силе кайфа, который человек получает от своих питомцев – ничего не идет ни в какое сравнение от тесного контакта с этими божьими тварями. Никогда не может надоесть поглаживание собаки по брюху, по голове. Никогда не надоест игра в мячик, с палочкой, никогда не будет в тягость присутствие друга рядом, даже если ты хочешь спать, а он шалит и играет с тобой. И когда хозяин пытается остаться в гордом одиночестве, то это, на самом деле, только видимость, а по сути – это игра. Это надо понимать. Это надо чувствовать.

Если девушка молодому человеку говорит «нет», то это не означает «нет» навсегда. Иногда под словом «нет» подразумевается «да». Только это слово «да» облачено в непонятную для простака форму. Женщины коварны. Они играют мужчинами. Не все, но большинство. Каждая девушка прекрасно понимает, что раздвинув ноги и отдав себя молодому человеку, она уступает ему стратегические цели, проигрывая при этом тактически. Она просто теряет контроль над ситуацией, теряет власть, упускает случай занять лидерство, и, может быть, даже на долгие-долгие годы вперед обрекает себя либо на одиночество, либо на роль введомой.

Но бабское коварство – это не только бабский ум, это ещё и безграничная дурь. Я бы не хотел вдаваться в содержание этого бескрайнего, необъятного понятия, точнее даже, философской категории, включающую в себя и алогизм, и стервозность, и пакостничество (не путать только с одной стервозностью, разные масштабы и разные объекты...), и ещё примерно 20 составляющих (компонентов) бабского (женского) коварства, поскольку роман посвящен приключениям двух губошлёпов, а не представительниц прекрасного пола. И в тоже время пословицы, что «без воды и ни туды, и ни сюды», а также «без женщин жить нельзя на свете, нет» – более, чем актуальны.

Правда, попадаются среди парней и такие, которые лезут напролом и добиваются всего и всех быстро и однозначно. Их не много в процентном отношении к общему числу потенциальных самцов, но в абсолютных величинах таковых просто «море». Это они ещё в школе ломают

девственные плевы своим одноклассницам или ученицам младших-старших классов. Это они на дискотеках морочат головы всяким фантазёркам и дурочкам...

Да, да, такова, увы, жизнь.

Лето, а вся семья в городе, не на даче. Почему? Да сейчас уже никто не скажет почему, ведь прошло с того самого июньского утра более 10 лет. Виктор Иванович, к сожалению, давно не звонил, и о нем никто ничего не слышал. Примерно лет 5 тому назад ходили слухи, что он, бедолага, отошел в мир иной, ещё не старым, но неизлечимо больным... И в тоже время другие говорили, что онкологию он победил, сменив место жительства, уехав не то в Австралию, не то в Канаду... Точно ничего о нем неизвестно, как, впрочем, и об Антоне, который то ли женился, то ли ударился в бега, когда его в 2009 г. настиг кризис?! Да, ничего определенного сказать ни я, ни мои кореша об этом тандеме сегодня не можем. Зато события июля-августа 2007 г. постараюсь вспомнить и описать максимально правдиво и предельно точно.

– Долго ты будешь изображать сонного трутня? – в очередной раз выкрикнула Нина, которую разбудил лабрадор Вова, спавший как обычно с хозяином на большом диване в просторной спальне, где ещё совсем недавно вместо собаки возлежала Нина Сергеевна, мать двоих детей, натуральная блондинка и редкостная стерва... Она безгранично любила дочь с младшим сыном, мать, собаку, свою работу и... делать всем замечания, читать нравоучения, орать по поводу и без повода... Орала она исключительно дома или на даче. Ну и в машине, и на природе, и там, где не было много народу или её сослуживцев, которые наивно полагали, что Ниночка – божий дар, доставшийся счастливому мужу, словно манна небесная, который должен был беречь и холить свою женушку, заботиться о ней и боготворить её, верную жену, любящую мать, прекрасную дочь и замечательного педагога...

Мне сложно оценить достоинства Нины, т. к. Виктор Иванович о ней старался не говорить, а если вдруг, по какой-то непонятной причине... упоминал её или мать её, то лицо его становилось каменным, непроницаемым, а глаза начинали слезиться и чесаться. Да и видел-то её я всего лишь раза три-четыре, не больше, а вот Антона я знал более 10 лет.

– Слушай, сегодня же суббота, выходной, – Виктор Иванович пытался уснуть, для чего накрылся с головой легким одеялом, а на голову он нахлобучил большую подушку.

Воспользовавшись тем, что муж «создавал» себе тишину и прятался от всех домочадцев, Нина Сергеевна решительно прошла на лоджию и закрыла все окна. Делала она это и летом, и зимой исключительно из бабской вредности. Точно так же, как и то, что свой мобильник на зарядку она оставляла в спальне мужа. Ерунда? Конечно, только ей на мобильник звонили с раннего утра и до полуночи, а на домашний телефон чаще всех звонила ласковая тёща. Если скажу, что в день Наталья Петровна звонила 20 раз, то это будет не точно, т. к. ещё столько же раз, как минимум, Ниночка звонила своей матери по поводу и без повода. Две дуры могли часами стоять у окна и мычать в трубку с важным видом, то и дело вздыхая, охая, пытаясь вставить какие-то короткие реплики или уточняющие вопросы. Это надо было видеть!

Виктор Иванович в пятницу приехал очень поздно с бильярда, где рубился на деньги после укороченного рабочего дня. Как обычно, он был на бровях, от него пахло пивом, водкой, шашлыком, куревом и бабами. Точнее, запах женских духов присутствовал, а вот самих баб не было, да и быть не могло, ведь Виктор Иванович фанатично любил бильярд, а женщины его в бильярдной интересовали лишь постольку, поскольку...

Вова был молодым лабрадором, который четко будил своего хозяина рано-рано утром, в одно и то же время. И каждый раз хозяин моментально вскакивал с дивана и запускал пса в спальню жены. И так было в любое время года, и дома, и на даче, кроме случаев, когда Виктор Иванович оставлял семью или вдвоём с собакой жил на даче, что случалось крайне редко.

Дочь первый год жила в своей квартире, в доме напротив, в том же подъезде, что и бабушка, мать Виктора Ивановича, которая, как ни странно, во всех разговорах солидаризировалась с невесткой и внуками против своего младшего сына, помогавшего ей и материально,

и всякими бытовыми мелочами. И на машине возил, и в магазины ходил, и хлопотал, и... А любимчиком всё равно всегда оставался старшенький, который скорее сосал с родителей и деньги, и соки, и силы, который был полным антиподом жизнелюбу и весельчаку – Виктору Ивановичу, и который был только тем и знаменит, что о нем все что-то рассказывали, какие-то небылицы про его доброту и душевность, безотказность и... трудную судьбу, и ставили всем в пример... Только был маленький нюанс – он был алкоголиком, женатым алкоголиком, жившим с родителями жены и древней-предревней бабкой, мамашей жены...

– Я пошла с Вовой. Ты слышишь меня? – Нина приподняла подушку, которой Виктор Иванович накрыл голову, и в самое ухо женушка его сначала чмокнула, затем нежно дернула рукой за волосы, да с такой силой, что бедный мужик чуть не взвыл ни то от боли, ни то от неожиданности...

– Что ты делаешь? – со слезами в голосе нервно выкрикнул Виктор Иванович, растирая голову после прикосновения жены к волосам.

– Что, что? Гулять иду с твоей собакой, алкоголик несчастный. Спать он, видите ли, хочет?! Лучше с собакой спустился бы погулять! – не унималась Нина.

– Ладно, если хочешь, чтобы я пошел гулять, я погуляю, – проворчал Виктор Иванович, вставая с дивана.

– Да чего уж там!? Лежи, валяйся... Я погуляю, – Нина пыталась выжать из мужа слезу и сострадание. – Лежи, спи, пока мы гуляем. Давай, отдохай! А вечером опять будешь с мальчиками развлекаться?! Да?

– Ты что, опять окна закрыла, чёртова кукла? – Виктор Иванович вылез на лоджию. Он вылезал на лоджию и настежь открывал все окна всякий раз, как в комнату заходила Ниночка. Затем быстро ложился и накрывался, пытаясь как можно скорее погрузиться в прерванный на самом интересном месте сон.

Нина, уже в уличных туфлях, с поводком в руке, тихонько проскочила обратно на лоджию и тщательно закрыла на шпингалеты все окна, стараясь не греметь. Она это сделала не сразу, а выждав 5-6 минут, пока не раздался лёгкий храп её муженька.

Иногда Виктор Иванович замечал и вставал, но чаще всего он не замечал очередной жениной выходки, зато спустя полчаса он просыпался с тяжелой, пустой головой от нестерпимой духоты и сильной головной боли. И так продолжалось уже много-много лет, со свадьбы, после которой Нину просто подменили.

Не знаю, правда это или нет, но однажды Виктор Иванович хотел, было, убить и жену, и ее мать, но сдержался, памятуя о том, что ему бы впаяли за убийство в состоянии аффекта 20 лет. Зато теперь он частенько повторял одну и ту же фразу с тяжелым вздохом «теперь бы уже наверняка выпустили бы... Уже бы давно отсидел...». Глаза при этом слезились, но он не плакал, а лишь тяжело вздыхал и тянулся к выпивке, если спиртное было в шаговой доступности или где-то рядом.

Нина Сергеевна любила зайти на кухню, где кушал её супруг, созерцая новости по маленькому телевизору. Она выключала верхний свет, даже если было откровенно темно. Переключала канал, делала тише звук, закрывала форточку. Иногда просто без спроса выключала телевизор. И уходила. Навредничает и уходит... И всякий раз, делая свои пакости, она сопровождала тирадой, в которой поносила всё и всех, где Виктор Иванович – полное ничтожество, где все – идиоты, а она, кандидат наук – светила академической науки и образец единственно правильных мыслей и идей, и т. д., и т. п. Кстати, мамашка её, простая деревенская толстая баба, чудом оказавшаяся в блокадном Ленинграде, и всю жизнь прожившая в коммуналке, тоже была ещё той штучкой. Выйдя в молодости замуж за моряка, она вместе с матерью, променявшей деревню в Ленинградской области на городские коммунальные прелести, по сути вдвоём и растила Ниночку. Ни бабка, ни Наталья Петровна отродясь книжек никаких не читали. Информацию черпали на лавочке, в очередях, по телевизору и по радио, которое

работало 24 часа в сутки. Единственная газета, которую выписывали в семье, называлась Телевизионная газета. Хотя нет, мужа заставляли выписывать журналы «Коммунист» и какой-то ещё морской журнал, который хорошо шел на растопку в бане на даче у родного дяди, старшего братца отца Нины Сергеевны.

В природе много случается чудес, много непонятого. Одним из необъяснимых чудес было то, что Нина Сергеевна в школе училась без троек, а госуниверситет вообще закончила с красным дипломом. Круглая отличница отличалась прилежанием и хорошими познаниями в области юриспруденции. Она всегда была первой, но не лидером. Командные нотки в голосе стали проявляться только после свадьбы, а вот на крик Ниночка стала переходить уже после первых своих родов.

Чаще всего русские женщины чистоплотны и аккуратны, хотя нередки случаи неряшества и безалаберности. А вот еврейки – те хорошо готовят. В семье Захаровых бурлила славянская кровь. Обе стороны могли не без основания похвастать своими белорусскими, польскими, украинскими и русскими корнями. И если кто-то думает, что украинцы, белорусы, русские и тем более поляки – братья-славяне, то они глубоко и жестоко ошибаются. Чтобы меня никто не мог упрекнуть в национализме и шовинизме, я лишь только замечу, что проще найти общие черты и качества у белого с негром, чем у этих четырех народов. Для чего я это рассказываю? А многое сразу же станет понятно, если читатель представит с одной стороны польско-белорусскую русскую бабу, а с другой – белорусско-украинского русского с немецкими корешками... Да и были ли это немцы или, быть может, евреи – никто толком не знает, т. к. в XVII–XVIII веках в самой Германии евреев было столько, что смешенные браки были простым обыкновением. Между прочим, идиш сильно схож с древнегерманским (древне немецким) языком. Почти также молдавский и румынский, азербайджанский и турецкий языки... О, как!

Круто, да? Кстати, Виктор Иванович рассказывал, что бабушка у Вовы была черной лабрадорихой. И действительно, под глазами у золотистого лабрика были еле заметные чёрные круги, а на передних лапках у двух центральных когтей – черные вкрапления. Окрас у Вовы был замечательный, богатый, насыщенный. Палевый окрас, светло-кремовый. 200 команд. 200!

Маленький тест для женатиков. Всегда в доме имеется посуда, которая неоднородна. Чайные ложечки от разных производителей. Вилки, ножи, тарелки, блюда, кружки и т. д., и т. п. И у каждого в семье имеется своя кружка. У многих есть и своя посуда. И что интересно, у мужчин, как правило, пристрастие к одной посуде, а у женщин к другой?! Психологи говорят, что это – нормально. Когда толпа пытается занять сидячие места в зале, то одни идут на галёрку, а другие изначально занимают места поближе. И каждый легко может обосновать свои устремления. А если это не получается, то интуитивно всё равно останутся и пристрастия, и дискомфорт... Кому как повезет.

Так вот, разная посуда, части от сервизов – это, как правило, свидетельство того, что либо посуда бьётся во время ругани, либо руки растут их жопы при мытье и при переносе посуды с одного места на другое. Но при этом посуда сама собой не бьётся!

Да, надо бы поскорее вывезти на дачу жену с детьми. Спать мне точно не дадут. И почему же ей всё время что-то надо? Не уймется баба... И дети такие же.

Виктор Иванович стал уже проваливаться в сон, но вдруг проснулся от того, что на него налетел, словно ураган, его дружок Вова. Всеобщий любимец вернулся с прогулки, позавтракал и с мокрыми, но чистыми лапами, брюхом и попой Вовчик заскочил на хозяина и начал яростно его налиживать. При этом он рыгал хозяину в лицо, лапами отодвигал руки от лица, которыми тщетно сонный Виктор Иванович пытался закрыться.

– Нина! Какого хрена ты Вовчика запустила? – истошно вопил Виктор Иванович.

– Что ты орешь? Тебя что, насилуют или убивают? – Нина Сергеевна зашла с полной чашкой чёрного растворимого кофе примерно через пару минут. Она уже успела позвонить своей мамочке, с которой обменялась сплетенками. – Хватит валяться! Вставай и иди делай

нам завтрак! И проветри комнату. У тебя очень душно. А на кухне ничего не открывай! Вова, деточка, пошли со мной, моя девочка! Ути моя писенька!!! – Нина Сергеевна поцеловала в холодный носик всеобщего любимца, содрала с дивана одеяло, швырнув его на одно из кресел в комнате, поверху бросила все три больших подушки с дивана, что-то поправила на журнальном столике, где была исключительная вотчина Виктора Ивановича, поправила занавески и шторы и продефилировала на кухню.

В комнате было жарко и душно. Окна все были закрыты. На улице беспощадно жарило солнце, была обычная июньская жара, разгар белых ночей и нашествия комаров, слепней и мошки.

Если есть ещё на постсоветском пространстве люди, ни разу не видевшие Санкт-Петербургских красот и его окрестностей, то самый полезный для этой категории совет будет таков – единственное комфортное время посещения Северной Пальмиры, культурной столицы России – период белых ночей (разгар приходится на конец мая – начало июля), когда световой день длинный-предлинный, когда погода комфортная, нет дождей и когда многие горожане либо за городом, на дачах, либо на море или океане бескрайних заграничных курортов. Удовольствие любованием красотами Санкт-Петербурга не из дешёвых, но оно того стоит. И не потому, что Санкт-Петербург – самый крупный после Москвы областной центр, а и потому, что в архитектурном плане, в градостроительном аспекте нигде в мире больше нет такого величия и такого очарования, как в бывшей царской столице.

Коренных петербуржцев сегодня менее четверти, да и те, в основном, – пенсионеры. Из приезжих, так называемых «понаехавших», больше всего представителей Средней Азии, республик Кавказа и районов Крайнего Севера. Сегодня их много, а завтра будет ещё больше, но они заметны ещё и тем, что работают, зарабатывают свою копеечку, стараются социализироваться в обществе, которое их не принимает, но терпит. И терпит потому, что сами русские не хотят чистить и убирать мусор и грязь, не хотят водить автобусы, не хотят работать на стройке, не жаждут строить и ремонтировать дороги...

Встав с дивана с тяжелой головой, Виктор Иванович с полузакрытыми, прищуренными глазами отправился на кухню, где набрав большую кружку холодной воды из кулера, отправился в ванную, а там, как всегда, без включения света помочился прямо в раковину. Кружку с водой он забыл на кухонном столе.

Каждый раз, когда жена или дочка застукивали его за мочеиспусканием в раковину, начинался скандал.

– Опять ссышь в раковину? – истерила Нина Сергеевна. – Сволочь такая поганая. Сколько раз я тебе должна говорить, что ссать надо в туалете. Ты что, не понимаешь? Сволочь поганая! Тебя где такому научили? Дома? В школе? – не унималась Нина Сергеевна.

– Папа, противно! В самом деле, тебе самому-то не противно писать в раковину? – подключалась дочь, которая повторяла все слова матери, но без мата и чуть конкретнее, чуть короче, и тоже на крике.

Нотации случались практически каждый день, да по несколько раз. То ли обе дуры дежурили у туалетов (в квартире было 2 туалета и 2 ванны), то ли случайно совпадали фазы выхода из комнат?! И что интересно, младший сынуля был, как ни странно, тоже на бабской стороне, т. к. школьник элементарно по росту ещё не доставал своим стручком до края раковины.

Забегая вперед, замечу, что когда Никитос повзрослел и подрос, то он также стал мочиться в раковину, но принципиальная разница заключалась лишь в одном – его никто ни разу не ловил и никто никогда не ругал за то, что он пошел по стопам отца...

Почему-то вдруг вспомнилось замечательное стихотворение на эту тему, которое было нацарапано чем-то острым на стене одного из туалетов одного петербургского фитнесклуба:

*Писать на стенах туалета Стихи, увь, не мудрено, Среди г*вна мы все поэты, Среди поэтов мы г*вно.*

Теперь сна не было ни в одном глазу. Странно, но голова болела, хотелось спать, только об этом и речи не могло быть, аппетита практически не было.

У Виктора Ивановича стояла дилемма. Точнее, встал, ни с того, ни с сего, член. И что делать в такой ситуации?

Вариант 1 – отпадает, не мальчик уже.

Вариант 2 – отпадает, т. к. после жениной утренней тирады, как говорят в Одессе, не божеж – можешь, т. е. не божеж мой.

Вариант 3 – сходить пописать и затем поспать, минуток, этак, по 200 на каждый глаз...

Вариант 4 – взять книгу, да и почитать. А там – будет видно, то ли вставать, то ли вернуться к третьему варианту¹.

Виктор Иванович взял ещё никем нечитанную книгу, широко зевнул и начал внимательно разглядывать обложку. Обложка была слабенькой. С такой обложки давки у книжного прилавка не случаются. А вот дальше была уже самая, что ни на есть интрига. Сама фамилия автора сегодня не пройдет цензуру даже в ИНТЕРНЕТе, да и название – это, как говорят в Одессе, – что-то с чем-то. Многие из круга общения Виктора Ивановича слышали об этом писателе, но никто ещё не читал свежего романа, набравшего сотни тысяч отзывов и рецензий на постсоветском пространстве. Кто-то охаивал с ног до головы, кто-то восторгался. Ясно было лишь одно, что роман никого не оставлял равнодушным, и каждый читатель пытался поделиться своими соображениями как мог, как умел или просто – как хотел.

Виктор Иванович взглянул на большие настенные электронные часы, и принялся за читку шедевра Арнольда Хуеплётова.

Арнольд Хуеплётов

Ментовское саго о Кипапентчуке

... роман века в лучших традициях величайших мастеров пера и слова, Марти Ларни, Ильфа и Петрова, Зямы Исламбекова...

¹ Вспоминается классный анекдот про дилемму. Студент пытается профессору сдать экзамен, но знаний не хватает, а тройка нужна со страшной силой.– Товарищ профессор! Ну, поставьте, пожалуйста, хоть три с минусом! Только не два, – канючит студент.– Ладно, скажите мне, что такое дилемма? Дайте определение этой категории!– С определением у меня проблема, зато на примере могу пояснить, – отвечает студент.– Ладно, давайте, – сжалился профессор.– Вот представьте себя абсолютно голым на широкой кровати, где с одной стороны лежит обнаженная полногрудая молодая блондинка-красавица, а с другой стороны от Вас лежит молодой, тоже обнаженный культурист-педораст. И вот вопрос: к кому из них Вы повернетесь спиной? Дилемма...

Глава первая. Без названия (типа введения)

*Не буду заводить будильник. Пусть Господь решает, идти мне
завтра на работу или нет....*
Зяма Исламбеков

Кипапентчук Понас Николаевич родился ещё в советские времена, в Жидограде, так ласково называли жители СССР советский украинский областной город Житомир. Тогда и русские, и украинцы, и евреи жили вместе, и ни у кого не было мыслей о разделе страны на национальные или территориальные кусочки, никто не помышлял даже убивать кого-либо на почве национальной неприязни и пр. Да, в СССР национализм был. И это – факт. Но одновременно национализма в современном понимании, в нынешнем виде, в СССР не было. И это – тоже факт. Как такое возможно? И бывают ли чудеса?

А разве не чудо, что птичка на столе сидит, а тарелка стоит? В советские времена не сидели только высокого ранга партийные функционеры. А так – сидели все. Сейчас не сидят те, у кого есть деньги. Да не просто деньги, а много денег. Коррупция достигла невиданного размаха. На службу коррупции поставлен и научно-технический прогресс со всякими там гаджетами, виджетами, и прочей капиталистической ерундой, без которой, как, например, без мобильных телефонов, без интернета, и т. д., и т. п. – и ни туды, и ни сюды. Народ в своем большинстве и раньше-то не особо любил читать книжки, а сейчас так и особенно никто не читает. В стране всеобщая дисграфия, тотальная безграмотность. Но поскольку за деньги любой в России может купить себе диплом о высшем образовании, или даже диплом кандидата или доктора наук, то как же можно говорить о падении нравственности, об отсутствии квалификации, элементарных знаний у специалистов или учёных с липовыми (купленными дипломами), если на бумаге – одно, а в реалиях другое?

Кипапентчук Понас Николаевич никаких дипломов никогда не покупал. Он успешно закончил за 12 лет обычную украинскую среднюю школу, в которой углубленно изучал программы за 7-ой и 10-ый классы соответственно. Почему-то так получилось, что ни украинского, ни русского языка Кипапентчук в школе не выучил. Как и вся его семья, он «шокал», «гакал» и говорил на суржике – ядреной смеси русского с украинским языком. Три года Понас Николаевич после школы служил на Северном флоте, где службу закончил старшиной 3-ей статьи. В народе это раньше называли «три сопля на лысых погонах» особенно «неслужилые» или те, кто не вырос в звании...

Основной обязанностью Понаса на флоте было:

- отдать (принять) конец на корабле;
- сборка-разборка автомата;
- мытьё полов, чистка картошки на камбузе, мойка посуды;
- ежедневная вахта (часовым стоял на тумбочке и выполнял обязанности дневального),

и т. д.

Были и ещё другие обязанности-поручения, но они носили либо более личный характер, либо считались не столь значительными в сравнении с предыдущими.

Понас Николаевич на флот пришел курящим, пьющим философом. Его все считали учёным и держали за умного, т. к. он говорил мало, простыми, односложными предложениями. Ему было трудно перестроиться после школы, где дети, да и их родители тоже, чаще использовали ненормативную лексику, а учителя больше не говорили, а читали. Читали без выражения и не очень быстро. При этом дети почему-то схватывали материал плохо. Всегда встречалось много новых, непонятных слов. Смысл найти в предложении, например, «... Маруся, ти спочатку візьми тричлен, а вже потім його пробуй розкласти. Хоча можна і не розкласти на

частины, а спробувати зробити так, як було у Миколи» нікто не мог, т. к. тема «многочлены» изучается не в 7-ом классе, да и не в 8-ом. Учитель труда (трудовик) Вадим Анатольевич (Важа Автандилович Цуладце) ни русского, ни тем более украинского языка не знал. Говорил он только на грузинском с отборным матом, который подменял оба нужных для работы и обучения языка.

Слово «хреновина» из уст Понаса вылетало раз пять-шесть в минуту. И оно было самым приличным на фоне остальных словечек.

Пролетели три года как один день быстро-быстро. В это даже трудно поверить, но с Кипапентчуком Понасом Николаевичем за годы службы на флоте не было ни одного ЧП, ни одного «залёта». Он был образцово-показательным. И ему предложили остаться на службе, стать мичманом, получить служебную жилплощадь...

А Родина манила обратно домой, в родные края, хотелось поскорее вернуться в «родные пенаты», где он вырос, где остались его друзья. И Понас Николаевич с небольшим чемоданчиком отправился на поезде с пересадками домой, в Житомир.

Встречали Понаса на ж/д-вокзале с песнями и плясками, с хлебом и солью. Весь двор гулял три дня и три ночи. К празднику готовились все. Потом почти неделю Кипапентчуки «отходили», затем сделали косметический ремонт в квартире, где в коридоре, в каждой комнате, да просто везде (!), были следы веселья в виде рвотных блевотин и сломанной мебели.

Глава вторая. Меблі

Мебель (фр. meuble, укр. меблі, от лат. mobile) – совокупность передвижных или встроенных изделий для обстановки...

На этом чтение закончилось, победу одержал сладкий сон, сразивший наповал полусонного Виктора Ивановича.

* * *

*Сиджу у стоматолога. Звонит телефон. Смотрю – любимый. Попросила врача ответить. Он берет трубку и спокойно так: – Алло? Извините, у нее рот сейчас занят. Вот я кончу, она сплюнет и вам перезвонит!
Из подслушанного разговора в очереди*

Долбанный телефонный звонок

Вечером Антон долго колебался. Надо было определиться с ночной программой: то ли встретиться с Юлькой, которая замечательно вела себя в постели, но была полной дурой, то ли с Лариской, которая всё время талдычила Антону о необходимости оформления их брачного союза, о том, кого она хочет родить и т. д., и т. п. Она была и умной, и красивой... И вот это-то больше всего и пугало Антона, повидавшего за свои тридцать с небольшим такое количество телочек, что некоторые образы были уже смазанными и даже абстрактными.

Лара всё время порывалась уехать в Москву, где она рассчитывала стать миллионершей не за 5 лет, а за 2-3 года. Антон же не видел себя не только отцом, пусть даже Лариного ребёнка, но и мужем миллионерши. Был и ещё один нюанс – Лара была старше Антона на полтора года, хотя внешне выглядела намного моложе 34-летнего Антоши, утомленного пьянками, гулянками и развратом.

Кто-то из близких знакомых мне наверняка возразит, что Антошка не был пьяницей и развратником, что пил он не с раннего утра, а только с обеда, да и то по чуть-чуть, а то, что девок менял как перчатки, так это, мол, сейчас все так делают... Такое время...

Бабы клеились и вешались на Антошу сами. Его сутулая и длинная фигура, облаченная в обычную молодежную одежду из средней, а, м.б. даже и выше средней ценовой категории позволяла появляться и на работе, и в кабаке, и где-нибудь на бильярде или на дискотеке. Прическа была скорее короткой, чем длинной, но стричься Антоша не любил, и чаще всего он был чуть-чуть заросшим, всегда небритым и с лёгким пивным или коньячным запахом.

Нечесаная челочка, ухоженная либо пятернёй, либо расчёской, но днями ранее, придавала лицу некоторый шарм. Именно так казалось Антону, который не напрягался по поводу своего внешнего вида, и у которого никогда в жизни не было ни галстука, ни пиджака. Школьный пиджак не в счет, из него он давно вырос.

Высокий, сутулый, с неспешной походкой он всегда появлялся из ниоткуда и всегда ему все были рады. Говорил Антоша мало, больше слушал, а девкам это всегда нравится. Большой, здоровенный нос и невнятная дикция – это было, скорее, обычным атрибутом, нежели дефектом или недостатком молодого повесы. Ерунда? Ерунда была у Антоши между ног, дай Бог каждому иметь такую ерунду, на которую ещё никто никогда не жаловался! А кошелёк?! Какой ещё кошелёк? А такой, который манит и дурманит, который компенсирует и плохую фигуру, и картавость, и отсутствие образования, и чего-то там ещё... За деньги можно иметь всё, даже здоровье. А когда нет денег, то и здоровье уже не очень-то и надо. Да и на фитнес без денег не походишь. Разве что голышом можно побегать?! Вот и, пожалуй, всё.

Ах, да, вот что ещё: тембр голоса был приятным, мужским, а сам диапазон позволял вместе с редкими интонациями придавать не только своеобразие, но и оригинальность голосу, который по телефону идентифицировался всеми без исключения с первого раза и очень быстро, просто молниеносно.

Закончив свои бизнес-дела, Антон позвонил из своего Гранд Чероке сначала Ларе, затем Юльке. Обе ждали его звонка и обе были готовы к встрече с ним. Недолго думая, Антон остановил свой выбор на Юльке, и поехал к ней.

Бильярдный клуб «Лидер» встретил парочку в девятом часу вечера звуками дискотеки ещё с автомобильной стоянки, и охранниками на первом этаже, которые осматривали каждого посетителя на предмет проноса наркотиков и алкоголя. Обдолбанных и пьяных они ни под каким соусом не пропускали вовнутрь. Проход на дискотеку занял 5 минут.

Маленькое отступление. Главный вопрос – если все приходят в клуб трезвыми, то почему более 70 % из него выходят пьяными или пьяными и обдолбанными? Здесь важно уточнить,

что не надо путать выпивших с пьяными, выпившие могут уверенно, пусть даже и шатаясь из стороны в сторону, самостоятельно передвигаться, а у пьяных с этим большая проблема.

А тем временем Виктор Иванович крепко спал, и во сне у него одна история сменялась другой, ещё более интересной, ещё более красочной. Проснулся он в тот момент, когда вдруг закончился вот этот сюжет.

Виктор Иванович никогда не пытался понять, чем сексуальное поведение мужчины отличается от сексуального поведения женщины. И никогда не пытался понять, в чем заключается влияние Марса или Венеры на половую активность на Земле, например. И также никогда не задавался вопросом: почему мужчины думают головой, а женщины – сердцем.

Но! Одним погожим вечером на прошлой неделе я, т. е. Виктор Иванович, и моя женщина легли в постель. Итак, мои желания постепенно набирают температуру, но тут она говорит мне: «Кажется, мне не хочется! Я хочу, чтобы мы просто лежали рядом, и ты нежно меня держал».

Я спросил: «Что?! Милая, что за фигня?»

И тут она говорит мне то, чего боится услышать любой мужчина на планете:

«Ты со мной просто удовлетворяешь свои мужские физиологические потребности. А то, что происходит у меня в душе, какие у меня, как у женщины, существуют эмоциональные потребности – тебя не интересует».

Она посмотрела на мое озадаченное лицо и добавила:

«Ну, разве ты не можешь любить меня просто за то, какая я есть, независимо от того, что у нас с тобой происходит в спальне?»

Я промолчал, но понял, что этой ночью толку не дождешься, отвернулся и заснул.

Однако на следующий день я решил взять на работе отгул, чтобы провести свободное время с ней. Мы хорошо позавтракали и пошли в какой-то большой-большой (неважно, как называется) супермаркет с большим количеством отделов.

Она переходила из одного отдела в другой, примеряла разную дорогую одежду, а я все время был рядом с ней.

Она не могла никак определиться, что именно ей выбрать, а я сказал ей:

«Бери все». Она захотела купить обувь к каждому новому наряду, я сказал: «Конечно, возьми все, что тебе подойдет». Потом мы пошли в ювелирный отдел, она выбрала там пару сережек с бриллиантами.

Хочу сказать... ну, короче, она была весьма взволнована тем, что происходит. Наверное, она решила, что вчерашний разговор повлиял на меня так, что я почувствовал себя фактически накануне кораблекрушения и отчаянно не хотел портить наши отношения. Кажется, она даже начала это проверять, потому что захотела купить теннисную ракетку, хотя даже не знает, как в этот теннис играть. Она просто затрепетала, когда услышала, как я сказал: «Это классная вещь, бери, дорогая!»

Выглядела она так, как будто была уже близка к пику сексуального удовлетворения. Улыбаясь, она произнесла: «Мне кажется, что это все... Дорогой, мы можем идти на кассу».

Я еле дождался этого момента и, едва сдерживая свое нетерпение, произнес:

«Нет, милая, не думаю, что мне этого хочется!»

После этих слов она переменялась в лице, и с полуотвисшей челюстью сдавленным голосом спросила: «ЧТО?!»

Тогда я сказал: «Милая! Я только хочу, чтобы ты просто подержала все это в руках. И все. Но мне почему-то кажется, что в этой ситуации тебя не волнуют мои мужские финансовые возможности, тебя волнуют только твои женские потребности!» И в тот самый момент, когда мне показалось, что она готова меня убить (и не только взглядом), я ласково добавил: «Почему ты не можешь любить меня просто за то, какой я есть, а не за то, какие вещи я тебе покупаю?»

Почему-то мне кажется, что и сегодня у меня не будет секса.

Вова, очевидно, соскучился по хозяйским ласкам и сначала начал топтаться на широком диване, а затем подполз вплотную к лицу и начал яростно, с остервенением облизывать сначала одну, затем другую половины, а под конец всё сразу. Шансов на спасение не было, т. к. Вовчик весил 48 кг и лапами блокировал любые попытки вырваться из плена. Виктор Иванович, как истинный собачник, не сильно-то и сопротивлялся лабрадорской ласковой атаке. Каждый в душе мечтает о том, чтобы его любимец проявлял свои чувства к хозяину. А то, что такие знаки внимания случаются ежедневно, да по много раз за день – это просто праздник души и тела!

10 минут яростной атаки Вовчика на Виктора Ивановича закончились громким лаем и прыжками из стороны в сторону по всему телу бедного хозяина.

То и дело лабр соскакивал на пол комнаты, где своим мощным хвостом сметал всё на своём пути. С журнального столика летели на пол и телефоны, и ручки, и даже ноутбук. Это трудно себе представить, это надо было просто видеть.

Виктор Иванович глянул на часы, висевшие напротив дивана, на стенке, между картинами, над самым комодом, на котором были мобильные телефоны, зарядники, ручки, какие-то винтики, болтики, гаечки с шайбочками, разного рода отвёртки, пасатижи, гаечные ключи... Было всё, что может себе представить мужик, который за всё берется, потому что он всё умеет, но у которого вечно не хватает ни времени, ни сил, ни, самое главное – желаний, чтобы что-то начать и естественно закончить. Говоря честно, в молодости Виктор Иванович руками делал абсолютно всё, даже мог из куска серебра или даже золота сварганить цепочку, крестик или перстенок. Он это делал быстро и с душой. Но буквально через полтора-два года такого хобби он вдруг увлёкся другим, не менее интересным, чем ювелирка, делом. Он менял свои увлечения очень часто, но привычке читать и путешествовать он ни разу в жизни не изменил.

На часах было начало 12-ого ночи. Семья укладывалась спать, а после Вовчика ни спать, ни смотреть телик, ни, тем более, что читать или просто сходить посикать – не хотелось.

Виктор Иванович взял мобильник и позвонил Антону.

– Тоша, привет! Развлекаешься? – спросил Виктор Иванович, хотя можно было сразу догадаться, что Антон где-то тусуется, и что ему уже хорошо. Фоновый шум, исходивший от дискотеки, каких-то голосов и пр. накладывался на бессвязную речь Антона.

– Здравсьте! Я, это самое, сейчас с тёлочками, ха-ха... У Вас что-то срочное? – Антон то и дело хихикал. Дышал он часто и можно было лишь представить себе то амбре, исходившее от 34-летнего повесы, которого усиленно атаквали две девицы, сосавшие и высасывавшие из него и соки, и силы, и деньги... Девочки знали своё дело и прекрасно понимали, что на кону у каждой не просто самец, богатый и с длинной писей, а прекрасная партия и обеспеченная старость.

– Тоша, ты в Лидере? – спросил Виктор Иванович.

– Я в этом самом, ну, как там его, блин, я в тренде, – заплетающимся языком ответил Антон.

Тут к разговору подключилась одна из пассий и радостно прокричала в трубку такую фразу: «Здравсьте! У нас всё тип-топ, мы в Лидере! Приезжайте к нам, не пожалеете...».

– Это Лара шалит, – прокомментировал Антон, который, судя по всему, вел некое подобие борьбы, или даже сопротивление, хотя это сильно сказано, с Юлькой и Лариской.

– Тоша, заканчивай балаганить и дуй в койку! – напутствовал Виктор Иванович.

– Ура! Ура-а-а-а! В койку! В койку хочу! – закричала снова Лара, которая сидела рядом с Антоном и подслушивала весь разговор.

Антон поменял руку, и теперь трубка оказалась со стороны Юльки, которая нежно обнимала своего мужика за левую ногу и за талию, где её рука встречалась с дерзкой и коварной рукой Лары. Методы и способы воздействия на любвеобильного Антона у девушек были практически одинаковые.

– Да, надо, блин, что-то делать! – только и смог из себя выдавить Антон.

– Антоша, поехали лучше на море, – предложил Виктор Иванович. – Что-то я подустал малость.

– А на какое море? – с трудом выдавил из себя Антон.

– На Адриатическое.

– С тёлочками?

– Нет.

– С тёлочками, с тёлочками! – закричали в трубку Лара с Юлькой. – Ура! Летим на Адриатику, – радостно прокричала в трубку Лара.

Девчонки попеременно вырывали из рук Антона трубку, а он и не сопротивлялся тому, что девушки шалили.

Виктор Иванович в конце концов понял, что о чем-либо серьёзном говорить не получится, махнул на Антона рукой и пошел к себе в кабинет, где в порыве чувств и приливе энергии за 10 минут создал шедевр.

Магия прилагательных

Каким станет любое гениальное произведение, если из него удалить все прилагательные? Правильно – «никаким». Исчезнет полностью все очарование ранее великого литературного текста.

Мы настолько привыкли к этим удивительным частям речи, что даже не замечаем, какое магическое воздействие они оказывают на наше настроение. Прилагательные могут управлять эмоциями.

Чтобы лучше увидеть и прочувствовать «работу» прилагательных, придумаем составное предложение, в котором их вообще нет. Заметьте, такое предложение просто рассказывает о чем-то и не несет особой эмоциональной окраски.

«Мальчик купил булочку и пошел по улице к дому, где его ждала бабушка, которая уже приготовила обед».

Теперь добавляем сюда всего два прилагательных, чтобы создать определенную эмоциональность.

«Мальчик купил черствую булочку и пошел по улице к дому, где его ждала бабушка, которая приготовила скромный обед».

Какие у вас чувства и ощущения появились? А сейчас создадим другое настроение.

«Мальчик купил сладкую булочку и пошел по улице к дому, где его ждала бабушка, которая приготовила праздничный обед».

Радостнее читается, правда? Особое внимание обратите на то, что предложение не должно быть «завалено» прилагательными, когда они стоят у каждого существительного, да и еще парами. Ошибка многих начинающих писателей – чрезмерная «прилагательность». Это может вызвать совсем не ту реакцию, которую хотелось заложить изначально.

«Бедный маленький мальчик купил старую черствую булочку и пошел по темной грязной улице к полуразрушенному холодному дому, где его ждала старая полуживая бабушка, которая приготовила простенький безвкусный обед».

* * *

Психологи давно рассчитали: около 30-40 % непонятного при 60-70 ясного делают задачу сложной, но интересной. Если же с первого взгляда ясно 100 % или 90 %, тратить время на решение и запись неохота, если за это не платят. Мозг тратит ресурс лишь на то, чем можно подкормить самооценку, а самооценку реально можно подкормить лишь тем, что тебя развивает, делает чуть умней и сильнее. Ну и иллюзиями тоже, но это очень вредный и очень некачественный корм.

Оксана Дрьш, украинский женский психоаналитик

Взгляд изнутри

Эту главу можно смело пропустить, если стоит задача добить роман любой ценой до начала футбольного матча.

Марина Петровна, мама Виктора Ивановича, пожилая женщина невысокого роста, чрезмерно активная, вечно борющаяся с избыточным весом, гопниками и матерщиной, ярко выраженный холерик и очень и очень словоохотливая дама... проживала в отдельной трехкомнатной квартире в соседнем доме. Так получилось, что Виктор Иванович ещё в середине 90-ых решил приблизить к своей семье своих родителей. И частично ему это удалось. Полной победы в решении этого вопроса не было, т. к. отец его умер на стадии завершения ремонта в новой квартире, а мать вдруг, ни с того, ни с сего, решила повременить с переездом в новую квартиру, где всё ей казалось незнакомым, и где не было привычных соседей, привычного окружения, и где квартира была просто огромной, на 25 метров больше старой.

Марина Петровна много читала. Она прекрасно пела и замечательно играла на фортепьяно. Часами, если не сутками, она музицировала, изводя соседей своими божественными звуками...

У Виктора Ивановича дома тоже стояло пианино. Поэтому, в гости к младшему сыну мамуля ходила часто и с большой радостью. В первые годы проживания в новой квартире, когда дети были ещё маленькими, она занималась с ними музыкой. Младший внук бабушку послал в жопу и закончил обучение на фортепьяно, как и его отец, примерно в 11 лет. Внучка же смогла определиться со своим выбором лишь после окончания средней школы, т. е. в 17 лет.

Нет смысла описывать жизнь и быт Марины Петровны, как и времяпровождение Татьяны Павловны, мамы Антона, поскольку обе женщины не являются главными героинями данного романа. Но и та, и другая занимались не только воспитанием своих сыновей, но и активно с ними общались, даря им свою любовь, нежность и внимание. Кстати, и Антон, и Виктор были у женщин младшими сыновьями. Более того, старшие сыновья были от других мужчин, что никогда не афишировалось... Да и любили, почему-то, старших мальчиков больше и сильнее, хотя всё время везде и всем говорилось об одинаковой любви. Интересные параллели?!

Чуть дальше ещё будут и другие, не менее важные и необычные параллели между обеими матерями, а сейчас, буквально лишь пару слов о Марине Петровне, мамочке, или мамуле, как её любил называть покойный супруг, папуля Виктора Ивановича. Итак, в новом, 18-ти этажном новом кирпичном доме опять сломались оба лифта. А бегать взад-вперед, вверх-вниз, с 13-ого этажа на первый и наоборот было несколько напряжно. Кстати, десять лет уже прошло с момента смерти мужа, отца Виктора Ивановича, скончавшегося на руках у внучки между 12-ым и 13-м этажами нового дома... Именно поэтому Марина Петровна с неохотой, но быстро, по-военному, переселилась на время ремонта лифтов к Виктору Ивановичу.

В её распоряжении был тринадцатилетний внук, двадцатиоднолетняя студентка-внучка, шустрик Вова, постоянно воруящий всё, что только можно спереть и достать (лабрадоры выше 1,5 метров не прыгают), большой телевизор с двуспальной новой диван-кроватью в гостиной и ещё 5 комнат, в т. ч. и спальня внучки, где стояло новое пианино. В квартире была такая же большая кухня, и вообще всего было 5 телевизоров на шесть комнат и кухню. Два туалета, две ванны и куча телефонов. Это было время, когда мобильники были уже не роскошью, а средством общения, однако большинство населения почему-то предпочитало стационарные телефоны своим мобильным, которые в те времена ещё были далеко не у всех.

У Виктора Ивановича, присядьте, пожалуйста, а то будет плохо, было три городских домашних номера телефона, и дома стояла мини-АТС. Из каждой комнаты можно было позвонить в другую комнату, можно было переадресовать входящий городской звонок, но что можно

было ещё, так это переадресовать входящие звонки на городской домашний номер Марины Петровны...

Если читатель не понял содержания последних трёх абзацев, то не стоит и заморачиваться. Общий вывод: Виктор Иванович был не прост! Он был нестандартным во всём: в поведении, в мыслях, в образе жизни, в той среде, в которой он жил и работал... Вот, наверное, эти обстоятельства и обусловили выбор главных героев романа. Об Антоне, мутном и оригинальном, также будет сказано, и не мало! Но, чуть позже...

Немцы всегда отличались от русских своей педантичностью, дотошностью, чистоплотностью... А может быть, Марина Петровна была не немкой, а кем-то другой? Внешне она могла сойти за немку, но при более близком знакомстве с ней версия принадлежности к арийской расе растворялась окончательно уже на пятой минуте знакомства. Общительная, энергичная, веселая и чрезмерно активная, Марина Петровна даже в свои семьдесят пять была такой шустрой и гиперактивной, что никто не мог определить её истинного возраста. 60 лет. Может больше, может меньше?! 60?!

– Нина! – крикнула Марина Петровна своей невестке из гостиной, где лежали одновременно шесть разных пультов, один из которых должен был быть от телевизора. – Ниночка, скажи, пожалуйста, каким пультом включать этот долбанный телевизор?

Одновременно прибежали дети, собака и Ниночка.

– Бабушка, вот же пульт от телевизора, – сказал внучек и быстрым нажатием включил большой стереоэкран.

– Ой, потише, потише! – сразу же заворчала бабуля. – Нет, Никита, выключать звук не надо! Просто сделай тише.

– Никита, научи бабушку пользоваться пультом, и потом иди кушать. Надо поесть, – Нина Сергеевна уже накрывала на стол и ждала всех к обеду. – Марина Петровна, Вы будете с нами обедать?

– Нет, спасибо! У меня – своя еда, – поджав губки, язвительно ответила свекровь. – А что у тебя?

– Да ничего особенного: салатик из помидорок и огурцов, с редисочкой и зеленью, супешничек с фрикадельками, котлетки куриные с пюрешкой и пирожные с компотиком...

– Боже, и что – они всё это съедят? – ужаснулась Марина Петровна.

– Бабушка, а ещё хлеб есть. Да, мама? – добавил Никита и побежал скорее в ванную мыть руки. При входе в ванную, он вытолкнул оттуда старшую сестру, которая норовила первой помыть руки.

– Дебил! – заорала, словно резаная свинья, Маришка. – Мама! Ну, скажи же ты этому уроду! Что он вперед лезет? А-а-а-а! – раздался дикий вопль из ванной. Затем из ванной пулей, с громким рёвом, некоординировано размахивая руками, то и дело, пытаясь протереть лицо в мыльной пене, выскочила Маришка.

Никита заливался громким смехом, вставляя словечки типа дура, идиотка, кретинка, дебилка.

А на самой кухне под ногами Нины Сергеевны крутился Вовчик, сперевший тапочек у бабки... Все кухонные табуретки, вся мебель была снизу им обгрызана. Ещё совсем недавно лабрик грыз всё подряд. Теперь же, повзрослев на годик, он поумнел, стал проситься на улицу, но до сих пор ещё воровал и тапки, и игрушки, и... что угодно, т. к. по сути, он оставался ещё ребенком.

– Вы поешьте, а я – потом. Я бы хотела просто посидеть и попить простую воду, если можно... – трагическим голосом заметила Марина Петровна, и направилась на кухню, где удобно устроилась на место сына.

– Вот, бабушка, – Никита поставил перед бабушкой кружку с водой, солонку с солью и пару кусочков хлеба. – Угощайся, – трагическим голосом, с бабушкиными интонациями добавил внук.

Бабка охерела. Она не знала, как ей реагировать на выходки внука, который не просто спародировал её, но ещё и унизил... По лицу обильно потекли слёзы. Тело начало трястись от беззвучного плача. Затем включился звук в виде открытого рыдания и нечленораздельного бормотания.

Нина Сергеевна вместе с детьми обедала, а на мужнином месте сидела её свекровь, изображавшая из себя бедную родственницу. А между тем, у бабули была трехкомнатная квартирка в новом кирпичном доме, пенсия в 24 000 рублей и был сын, два раза в месяц покупавший и приносящий продукты, как-то: мясо, сыр, яйца, молоко, сметану, колбасу, рыбу, фрукты, овощи, масло, и т. д., и т. п. на 10 000 руб. и более за одну покупку по ценам 2007 г. при средней пенсии на тот период времени в 4,5 тыс. рублей. А ещё он оплачивал коммуналку, лекарства и телефон. На машине возил по первой просьбе туда, куда мамуля пожелает. Да и на даче она жила всё лето, где был проведен водопровод, где была холодная и горячая вода, канализация...

Виктора Ивановича не было, когда в доме разгорелся очередной скандал, возникший на ровном месте... Нина Сергеевна дала свекрови поплакать и высказать всем всё, что она думала о ней, о сыне, о внуках... В итоге, бабка навернула в обед всё, что было подано к столу детям и в количестве, не меньшем, чем было у всех вместе взятых членов семьи. Эти театральные представления происходили практически всегда в той или иной вариации, и бабушкиным импровизациям не было ни конца, ни предела. Несостоявшаяся актриса больших и малых театров, оперная дива, мастер спорта по всем видам спорта, скорее всего, просто отжигала. Она находила истинное наслаждение в том, что, как ей казалось, она изображала правдиво, натурально, вызывая слёзы у внуков и детей – бедную и несчастную, забытую всеми одинокую родственницу.

А тем временем, другая мама другого нашего героя, работала на садово-дачном участке. Уже час, как она копошилась в земле, что-то пропалывая, то и дело, бегая за водой или в дом. Дом был достаточно большим, хотя и не казался ни дорогим, ни огромным. Планировка была сделана таким образом, чтобы каменная печь, растапливаемая в центре первого этажа, согревала бы и на втором этаже две большие комнаты. Такая компоновка широко распространена в деревнях, где всё сделано рачительно и рационально. Татьяна Павловна жила в загородном доме, находившемся на краю садоводства уже более пяти лет. Дети что-то делали, что-то строили, перестраивали. За чистотой в доме и на участке следила исключительно она, Татьяна Павловна, которой иногда лишь помогали сыновья и их гости, приезжавшие, как правило, напиться, пожрать и попариться в баньке.

Русские люди в большинстве своём гостеприимны и никогда не зажимают ничего того, что следовало бы кушать или пить только им самим, а не всем подряд. Этой чертой характера очень часто злоупотребляют разного рода лжецы и хитрованы. А ещё русские женщины безгранично любят своих детей. И что интересно, чем ребёнок более непутевый, или даже ущербный, тем больше ласки и внимания он получает от своей матери или бабки.

Виктор Иванович неоднократно пьянствовал с Антоном то на своей, то на его даче. Более того, Антон не просто бывал, а и жил на Захаровской даче, а вот их матери знакомы не были, хотя и слышали друг о дружке что-то, когда-то...

Если попытаться сравнить частоту посещения гостями обеих дач, то пальму первенства с большим отрывом держала Тошина дача. Бывало, там собирались компашки в 15-20 человек. В небольших комнатках, в бане умещались все, а если бы надо было приютить ещё человек 5-6, то и для них бы нашлось местечко. Большого веселья в шумных компаниях никогда не было. Была трапеза у костра на улице, анекдоты и какие-то сомнительные истории и с вымыслом, и с измененным сюжетом... Бурная ночь, секс, баня, секс, пьянка, остывшая баня, озноб и

алкогольный синдром. По краю участка протекал ручей, откуда бралась вода на технические и бытовые нужды. Вода в ручье была чистой, и замерзала лишь в сильные морозы. И в принципе проблем с водой не было, на тот период времени...

Озёр и рек поблизости не наблюдалось, садоводство было в разы меньше Захаровского и располагалось в 30 км от Санкт-Петербурга. До города удобнее всего было ехать на машине. Ровно 20 минут, а на автобусе – не менее часа.

Городскую квартиру мама оставила старшему сыну, который её «потерял» при разводе с первой женой. И получилось так, что у младшего не было ни квартиры, ни отца, ни собственной семьи, а у старшего – отец был, но с ним никто и никогда уже много лет не общался. Вот под гнётом таких обстоятельств и была придумана жизненная философия Антона, который официально не имел ничего из имущества, который жил в съёмной квартире, ездил на машинах по доверенности, крутил, вертел деньгами, взятыми займы на бизнес, который, как правило, давал стабильный доход. Именно поэтому бизнес постоянно конфликтовал с Законом, а сам его владелец – Антон, был настолько мутным, загадочным и неопределённым, что друзья его и бизнес-партнёры называли Тошу просто «мутным».

Без обмана нет романа. О! О чём это я вдруг? Антон крутил любовь с девицами, которые искали, скорее всего, безбедного и беззаботного существования. Девки были смазливими и при этом не сильно пустыми. Но то ли наивность, то ли алчность, то ли что-то ещё... сбивало их с правильной оценки перспективы развития событий, однако до свадьбы ни разу дело у Антона ни с одной из пассий не доходило. Его постоянно прорабатывал Виктор Иванович и ещё несколько других приятелей, которые все советовали абсолютно по-разному, с пеной у рта доказывая свою правоту, основанную либо на взвешенности подхода, либо на хорошем русском принципе «а ну его нах@й». И Антон держался, как мог...

Мишка, старший братишка, был для Антона живым примером невезения в любви и браке. И «алиментная» перспектива Антошу не радовала.

– Ма, – непривычным для слуха и вообще басом, Антон позвал мать к огню, когда решался вопрос копчения угря. – Ма, а ты как считаешь, угря надо разрезать для копчения в коптилке, или его просто засунуть и закоптить?

– Тоша, сынок! Ты делай, как считаешь нужным, – Татьяна Павловна посмотрела с любовью на сына и затем уже его ласково спросила, – А картошечку поджарить или отварить? Как лучше, сынок? А?

– Лучше с лучком поджарить, – авторитетно заметил Виктор Иванович. – Давайте, Татьяна Павловна, я Вам помогу.

– Ой, что Вы, что Вы!? – смущенно возразила Татьяна Павловна, оставляя шанс Виктору Ивановичу от слов перейти к делу. – Вы отдохайте, пожалуйста. Я – сама. Лучше Антоше помогите, пожалуйста.

Виктор Иванович обычно вставал, брал с собой кого-либо из девушек и шел на веранду, где в четыре руки начиналась чистка картошки, и откуда он, вдруг, как обычно, убежал к Антону, который тем временем колдовал над углями или костром... И так было всегда. И все почему-то считали Виктора Ивановича всегда старшим, организатором и хорошим поваром. Его умение покинуть компанию по-английски, не прощаясь ни с кем, оттачивалось годами. И Антон, кстати, этот приём, как мог, перенял.

Приятели легко себя чувствовали в любой компании с той лишь разницей, что Виктор Иванович создавал видимость балагура, шутника-затейника, а Антон большей частью молчал и шмыгал носом, или играл бровями, или томно вздыхал. И оба притягивали к себе внимание. А когда гости, друзья расходились, то никто не мог вспомнить ни шуток, ни анекдотов, ни историй Виктора Ивановича... Да и вообще, он был, скорее загадкой, чем открытой страницей (про открытую книгу ни здесь, ни далее говорить просто неуместно).

* * *

*Расхожие выражения восторга в рассказе о прекрасной половине: «Вот это попа (ноги, грудь)!» – переводятся вот так: «Лично я экзальтирован её инвенцией!». Говорите и пишете по-русски правильно!
Подслушано на рыбалке*

Позвонил и подъехал

Было около 11.00, когда Виктор Иванович на дорогом спортивном велосипеде подъехал к офису Антона. Офис располагался в трёхэтажном здании, окруженном промзоной и высоким забором. Вся территория была под контролем сторожа на входе (въезде), который на мониторе мониторил ситуацию. Самое забавное, что видеокamеры – вещь ценная и полезная, но только в том случае, если ими правильно пользоваться. Установлены видеокamеры были через каждые 15 метров таким образом, чтобы по монитору можно было проследить движение посетителя. При этом надо было, как минимум, раз 8 менять картинку на мониторе, переключая с одного ракурса одной камеры на другой ракурс другой (следующей) камеры. Был и другой способ – высунуться или просто посмотреть в окно. Антон любил из своего офиса следить за движением на территории. Постоянно кто-то входил, кто-то покидал асфальтированную площадку вдоль здания. Припаркованные к забору машины также вызывали у Антоши неподдельный интерес. Одним словом, было чем заняться в свободное от подсчета барышей время.

В маленьких комнатках была исключительно офисная начинка: мебель, компьютеры, кофе-машина, куллер с водой, счетная машинка для денег, сейф, телевизор и wi-fi – роутер. С автостоянки курьер или сам Антон привозили деньги либо по звонку, либо в конце рабочего дня. Они пересчитывались и вносились в рабочие тетради учета. И в самом офисе происходила выдача денег. Два слова о бизнесе. Была у Антона автостоянка, на которой продавались б/у автомобили. С продажи каждой машинки Тоше приходила денежка. От 15 % и более. За мойку автомобиля, за хранение, за зарядку аккумулятора и т. д. – за всё брались деньги. Стоянка располагалась в 5 км от офиса на бойком месте, на проспекте, разделявшем (соединявшем) два больших района, примыкавших к центру города. Относительно недалеко, по меркам горожан, было метро, две станции, от которых даже ходил городской транспорт. И вот этот бизнес давал кое-какие деньги, которые Антон со своими кисками успешно и осваивал. Но и это ещё не всё. У Антона был автоломбард. Он охотно ссуживал деньгами автовладельцев, которые оставляли в залог свои бибики взамен краткосрочных кредитов на выгодных условиях. Каждый месяц тикали 6-8 % от суммы займа, которая составляла треть, а иногда и четверть стоимости высоколиквидного автомобиля. Но тогда и процент был не 10, а 8 %. Условия возврата были жесткими, с пенями и корвалолом. Пеня за каждый день просрочки, а по истечении двух недель – реализация авто с покрытием всех долгов. Собственнику автомобиля ничего сверху не передавалось. Особо нервным или просто мудаковатым заемщикам предлагались услуги штатного юриста и... корвалол (прекрасное средство от сердца и комаров).

Частенько Антон привлекал заемные средства у друзей и знакомых под небольшой процент, размер которого был индивидуален. На первых порах он платил по 4 % в месяц в валюте, т. к. ему давали деньги исключительно в евро и долларах, затем стал обслуживать только рубли и лишь под 3 % в месяц, а когда дела пошли в гору, то полностью отказался от услуг займодавцев, мотивируя тем, что бизнес стоит, что он на грани банкротства и прочая лабуда-галиматья. Его благодетели, естественно, после таких песен теряли к нему какой-либо интерес, т. к. и до сих пор есть спрос на валюту и рубли вне банковского сектора под 4-6 % в месяц без обеспечения суммы займа. Почему? Да замочить кидалу или членов его семьи, партнеров – легче простого. Стоит недорого, а конкуренция очень и очень высокая.

Простой пример: разве никто из высшего эшелона власти не кидает своих граждан? А хоть кто-нибудь из мошенников и коррупционеров ответил за свои преступления? Нет. А на нет – и суда нет.

Бизнес рантье очень сложный и требует хорошего анализа, много сил и времени. Здесь тоже свои законы, свои нюансы.

Для чего я это всё рассказываю? Антон и Виктор Иванович на 2007 год ещё не были ни рантье, ни чиновниками в хорошем смысле этого слова. Они были просто приятелями. Антошка торговал автомашинами, а Виктор Иванович преподавал в ВУЗах, читал лекции, занимался наукой, и очень любил машины, на которых всё время куда-то ездил, что-то смотрел, изучал и т. д.

Именно после событий, описанных ниже, бизнес Антона получил мощный импульс развития и пошел в гору. А пока Антон сидел в своём офисе, пил черный кофе, тербил глаза и нос, и вяло наблюдал по монитору за площадкой, на которой среди прочих машин был припаркован и его Мерседес ML-350.

То и дело звонил мобильник.

«Оба-на, приехал-таки» – подумал Антон, увидев на мониторе своего старшего товарища. В стремных кроссовках, с висевшими и растянутыми спортивными штанами, в спортивной куртке, выдавшей вида и с объемистой барсеткой Виктор Иванович заехал на территорию. Он легко слез с велосипеда, перекинув по-молодецки ногу через седло, и уверенно поставил своего коня к Тошиной бибике. Через 10 секунд Антон вяло пожимал руку запыхавшемуся Виктору Ивановичу, который чуть ли не с порога стал засыпать Антона вопросами, не давая времени на ответ.

– Так, корешок, делай мне кофе и включай свои мозги, – сказал Виктор Иванович, опуская большую задницу на стул для посетителей офиса. – Мне со сливками, два.

– Что два? – удивился Антон.

– Два пакетика, – уточнил Виктор Иванович.

– Каких пакетиков? – с саркастической улыбкой спросил Антон.

– Ты не умничай! Я не знаю, как называется эта хрень со сливками... Короче, дай мне эти две хреновины и я успокоюсь.

– А если вообще ничего не дам, то тоже успокоитесь? – с ехидством спросил Антон.

– Так, я не понял: кофе будет или где? – делая вид, что возмущился, спросил Виктор Иванович.

– Будет, будет. Не надо так нервничать, – усмехнулся Антон. – Я даже могу дать три и сахар. Дать?

– Так, морда жидовская! Ты долго будешь меня ещё пытаться? А? – Виктор Иванович начал заводиться, т. к. он заметил, что Антон специально тянул резину и делал всё нарочно медленнее обычного.

– А я не понял, Вы куда-то торопитесь? – поинтересовался Антон.

– Да, тороплюсь, – буркнул Виктор Иванович, энергично размешивая сливки в одноразовом стаканчике. – Тоша, а у тебя когда-нибудь появится для меня нормальная большая кружка под кофе?

– Не, большая не появится. Кофе – штука дорогая, – сострил Антон.

– Кофе – он, дорогой, мужской род. Понял? – поправил своего приятеля Виктор Иванович.

– Да мне, это самое, блин, по х@й, он, она?! Бабла нет, а я тут должен думать, бля@ь, где кружки достать, где сливки, где кофе купить?!

– Кстати, могу помочь тебе с баблом. Надо? – Виктор Иванович пристально посмотрел на Антона, который сразу же переменялся в лице.

– Конечно надо. А сколько, это самое, значит? – спросил Антон.

– Два лимона.

– Не, два – мало. Надо три.

– На какой срок?

– На полгода, или на год.

– Под какой процент? – спросил Виктор Иванович.

– Ну, блин, это самое, значит... – Антон замялся, начал тянуть кота за хвост, – можно и под хороший...

– Под какой хороший? – не унимался Виктор Иванович.

– Ну, под 3 % в месяц. Пойдет? – Антон с прищуром посмотрел на Виктора Ивановича, пытаясь из себя изобразить просточка.

– И ключи?

– Какие ключи? – удивился Антон.

– Да от квартиры, где деньги лежат! – выпалил Виктор Иванович.

– Не, а сколько? – спросил Антон.

– Ты сам знаешь, что меньше, чем под 5 % в месяц – это просто не серьёзно, – Виктор Иванович был готов и на 3 %, но надо было поторговаться.

– Нет. Это – грабёж. Грабёж среди белого дня, едрён-батон! – Антон достал второй стаканчик и стал делать для себя кофе. – Я могу предложить 3,5 %. И всё. Это – максимум.

– Хорошо! Так бы сразу и сказал, что ты вчера никого не трахал, что ты не завтракал, что ты... – Виктор Иванович не успел закончить, т. к. Антон его перебил.

– Четыре процента, но на год. Пошло?

– Пошло! Четыре с половиной и в евро, – Виктор Иванович одним глотком допил кофе и бесцеремонно взял второй стаканчик, который себе делал Антон.

– А почему в евро, а не в рублях? – спросил Антон, доставая третий одноразовый стаканчик из большой стопки.

– Ты что, в ментовке работаешь? Следовательно, да? – Виктор Иванович понял, что он завладел не только инициативой, но и взял под контроль всю тему.

– Ладно-ладно... А когда будут еврики?

– Они уже со мной, – успокоил Антона прожженный Виктор Иванович. – По сегодняшнему курсу, как ты хотел.

– Надо посчитать. Здесь сколько?

– Ты посчитай. Как пить дать, я ошибся и положил больше, – сострил Виктор Иванович.

Вся сумма была в крупных купюрах. Антон посмотрел по интернету курс и, тяжело вздохнув, изрек непреложную истину: «Да, что делать?! Людям надо помогать!»

На флешке у Виктора Ивановича был текст договора займа, в который надо было вписать размер процентной ставки и дату. Обменявшись экземплярами, Виктор Иванович расстался с валюткой, а Антон перешел в соседнюю комнату, из которой позвонил кому-то и сказал, что деньги есть и можно приезжать.

– Ну, что, какие планы? – с весёлым лицом поинтересовался Антон. – Как обстановка в семье?

– Всё плохо! Плохо, плохо, плохо...

– Да ладно?

– Бабло кончается, а перспектив никаких, – пошутил Виктор Иванович.

– Чё, «Жмурки» опять посмотрели? – поинтересовался Антон.

– Если бы?! Надо, Тоша, на море слетать, а денег, как всегда, нет.

– Точно. Я бы тоже слетал на пару неделек, – Антон с грустью кинул взор на окно, за которым шуришали листвой тополя.

– А сколько нам надо денег на три недели? – поинтересовался Виктор Иванович.

– Ну, я не знаю, по штукарнику? По полторы? – мечтательно произнес Антон. – Всё зависит от места, от программы. Есть тут у меня одна телочка, которая мне должна...

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее, – Виктор Иванович встал, взял чистый стаканчик и стал заваривать в машине себе черный крепкий кофе.

– А не лопните? – поинтересовался Антон, глядя на то, как Виктор Иванович хозяйничает у него в офисе.

– Так, ты не отвлекайся! Не лопните?! Давай, рассказывай, кого ты там оформил в очередной раз?!

– Да есть одна тёлочка... Работает на Невском, в турагентстве. Я ей случайно чуть ребёночка не заделал. Она, это самое, стала меня шантажировать, пришлось раскошелиться.

– Не понял? – удивился Виктор Иванович.

– Да дал я ей денег на аборт, чтобы отстала от меня.

– Деньги взяла, ссука, бля@ь, а беременности-то и не было! – Антон зло посмотрел в окно, и, когда увидел велосипед, опирающийся на машину, истерично завопил, – какого х@я такую ху@ту делать? А? На х@я, бля@ь, ставить, бля@ь, свой ё@анный, бля@ь, велосипед на мою машину? Ё@ твою мать, бля@ь!

– Что, что случилось? Дружок, что такое? – спросил Виктор Иванович, который всё прекрасно понял ещё только по первой молниеносной реакции Антона.

Антон смотрел на свою игрушку с мокрыми от слёз глазами. Создавалось впечатление, что слёзы так и хлынут ручьём, но всё, как ни странно, быстро закончилось.

– Тош, давай я тебя утешу чуть-чуть? – несколько заискивающе спросил приятеля Виктор Иванович.

– Как? Купите мне новый автомобиль?

– Нет, лучше, – парировал Виктор Иванович, – я дам тебе совет?!

– Ну, попробуйте...

– Антон, всякое в жизни случается! Не расстраивайся!

Антон, всё это время смотревший в окно, повернулся и начал сильно моргать широко раскрытыми от удивления глазами.

– Что, и всё? – только и смог из себя выдавить Антон. – Пойду переставлю, бля@ь на х@й, Ваш велосипед, чтобы он больше даже близко не стоял рядом с моей машиной.

Три минуты пролетели незаметно. Антон подошел к велосипеду спокойно. Аккуратно переставил его, прислонив к стоявшей рядом машине торгаша, арендовавшего, как и он, офис, окна кабинетов которого выходили на другую часть дома. Затем он внимательно изучил точки контакта велика с машиной и, убедившись в отсутствии каких-либо следов, вернулся обратно.

– Полегчало? – с ироничной улыбкой спросил Виктор Иванович.

– Вроде того, – буркнул Антон. – Так вот, есть у меня, это самое, значит, тёлочка, которая может сделать это самое, значит...

– Минет? – Виктор Иванович прыснул от смеха. Его шутка понравилась и Антону, который засмеялся, но чуть позже и гораздо слабее, т. к. сказывалась нагрузка от недавнего инцидента с велосипедом.

– Можно ей позвонить и она всё сделает... – Антон задумался на несколько секунд, затем продолжил, – Дать телефончик?

– Давай. А давай не давай?! Набери-ка её прямо сейчас.

– Ало, привет! Это – я! – радостно сообщил Антон ответившему женскому голосу на другом конце линии. – Чё делаешь, а? – поинтересовался Антон.

Минут десять они ворковали по телефону, то и дело издавая несложные короткие фразы, вздыхая и охая попеременно. Виктор Иванович за это время успел сходить в туалет, где он быстро и качественно отстрелялся, залив весь пол возле раковины, т. к. он принципиально с детства не пользовался бумагой, а для подмывания задницы раковина была установлена высоковато. В неё и мочиться-то было хреново, а уж подмываться – это просто наказание какое-то.

На выходе из туалета Виктор Иванович столкнулся с симпатичной крашенной блондинкой лет 25-45. Мельком возраст дамы определить было не возможно. Дамочка с улыбкой Джаконды проскользнула сквозь дверной проем, закрыла за собой дверь. Затем раздался грохот падающего тела и отборный мат-перемат, исходя из чего, Виктор Иванович сделал единственно правильный вывод – женщина поскользнулась и упала.

Крики были слышны, наверное, с улицы. Через минуту возле туалета стояла толпа сотрудников-арендаторов. Такого у них ещё не было. Бедная женщина раскровила себе локоть и лицо. Нос и губы кровоточили. Тело тряслось мелкой дрожью, а дамочка плакала, то и дело поправляя на себе порванную мокрую юбку. Она не запомнила того, кто выходил перед ней из туалета, но когда она увидела подошедшего Антона, она вдруг бросилась на него с кулаками и начала истерично кричать и дубасить бедолагу по лицу, груди, рукам, которыми тот защищался, как мог.

Толпа перешептывалась, и молча наблюдала за потасовкой, в которой высокий мужик бездействовал, а малявка продолжала с остервенением наносить увечья, в основном для одежды, и громко материться.

Парочку разнял Виктор Иванович. Он, сильно схватив за руки, чуть выше локтей, приподнял скандалистку на уровень своих глаз, сильно встряхнул и опустил вниз. Не разжимая рук, он внимательно, словно гипнотизер, спросил дамочку:

– С Вами всё в порядке? – Виктор Иванович смотрел бедняжке в глаза, как змея гипнотизирует кролика.

– Я упала, – только и был ответ дамочки, которая вдруг прижалась к Виктору Ивановичу и на его груди начала банально реветь.

Можно было бы и дальше описывать события или, пользуясь определенными художественными возможностями, включив вымысел и бурную фантазию, дать не только продолжение, но и развитие целой сюжетной линии, которая могла бы стать венцом всего романа. Но я лишь замечу, что произведение не о том, как вешаются женщины на шеи мужиков, как всяческими правдами и неправдами завлекают бедняг в свои сети, околдовывая бабскими чарами и, в конечном счете, женят их на себе...

Нет, роман совсем о другом, более чистом и возвышенном.

– Тоша, ты можешь ехать нормально? – Виктор Иванович сидел справа сзади в чистом Мерседесе, на котором они ехали в офис к Ларе. – Ты можешь обогнать этого пердуна? – не унимался пассажир.

– Да он нормально плетется, – с язвительной улыбкой ответил Антон, который не гонял на своих автомобилях и который заботился о них, в отличие от неряшливого Виктора Ивановича, у которого салоны всех его машин напоминали либо склад ненужных вещей на все случаи жизни, либо пункт приёма утиль-сырья. Антон мыл и нализывал по несколько раз в день салоны своих автомобилей...

– Мы так и к обеду не приедем, – нервничал Виктор Иванович.

– Да, движение сегодня, бля@ь, плотное. Дать посасать?

– Чего?

– Конфетку, – Антон протянул пару маленьких сосучих конфеток, которые по размеру были с мелкий горох.

– И это всё? – удивился Виктор Иванович неслыханной щедрости своего приятеля.

– Пока да. Приедем, дам ещё пососать, – Антону было весело от игры слов и двойного смысла, который он вкладывал в простые, бесхитростные глаголы.

Виктор Иванович шутки понимал прекрасно, особенно те, которые он сам придумывал. В данном случае обиды у него не было, но неприятный осадочек от пошлостей Антона у него остался. Всегда чувствуешь некий дискомфорт, когда являешься объектом шутки или чего-то там ещё...

– Знаешь, я вдруг вспомнил классный анекдот. Рассказать?

– Можно.

Идет Толян по Красной площади, тут ему срать захотелось. Ну, садится прям по середине площади, тут к нему мент подбегает:

– Ты че, совсем оху@л? Это же Красная площадь!

– Я – Толян, меня все знают, мне все можно!

– Да какой ты, нахрен, Толян! Поехали в отделение, оформляться!

Надевает ему наручники, тут подъезжает кортеж Путина. Путин из машины выскакивает, обнимает Толяна, руки жмет:

– О, Толян! Как ты? Как дела? Поехали со мной Буша из аэропорта встретим?

– Да не, Вован, не могу... Меня тут в отдел везут.

– Да ладно тебе, поехали... и мента с собой бери!

Приезжают в аэропорт, там Буш с трапа выходит, весь такой грустный. Увидел Толяна, заулыбался:

– О, привет, Толян! Как дела? Как сам? Я тут в Ватикан лечу, к Папе Римскому, поехали со мной?

– Да не, не могу... Меня в отделение мент забирает.

– Да забей ты, полетели... и мента с собой бери!

Прилетают в Ватикан, а там Папа с балкона народу машет, все кланяются... Толян говорит менту:

– Слушай, мент, пусти меня с братаном поздороваться, ну раз в год здесь бываю...

Мент уже в шоке, снимает наручники.

Толян поднимается на балкон, целуются с Папой, обнимаются... Стоят уже вдвоем руками машут...

Толян смотрит в толпу, а там мент в обморок падает, ну он к нему:

– Э, мужик, ты чего?

Мент в полуобморочном состоянии:

– Я, конечно, всё понимаю... С Путиным вы, возможно, одноклассники... Буша ты знаешь через Путина... Но когда кто-то из толпы крикнул «Че это там за х@й с Толяном на балконе?»... я вообще обалдел!

Смеялись приятели несколько минут. Виктор Иванович рассказчиком был классным. Он мог рассказать любую, даже самую обычную историю так, что все будут слушать его с открытым ртом. Его интонации, мимика, резкая смена тембра голоса и жестикация – это «что-то с чем-то». Будучи коммуникабельным, веселым и находчивым, он одновременно мог быть строгим, жёстким и очень злым и решительным. Правда, злость очень быстро куда-то улетучивалась, но первый всплеск эмоций был всегда очень и очень сильным.

Туристический офис оказался в 300 метрах от Невского проспекта, в обычном жилом доме, вход с колодца по грязной и слабо освещенной лестнице, где на третьем этаже располагались одновременно 6 различных фирм.

В больших трех комнатах, декорированных под повозку вечных скитальцев по разным странам мира и континентам, размещались Лара – директор туристического агентства SunTravel, Вика, Оля и Наташа. Всех четверых оба посетителя достойно отметили и уже готовы были пуститься с ними во все тяжкие, но в головах каждого из них ещё была несколько другая цель визита.

– Привет! – Антон буркнул Ларе своё знаменитое приветствие и чмокнул её в щечку. Он успел не только её обнять, но и пройтись рукой по маршруту талия-ляжки-попа, причем на попе были сделаны лёгкие остановки с кругообразными движениями типа массажа и прощупыванием. Сделано было очень и очень профессионально. Более того, той же рукой он притянул к себе Лару так, что обе груди просто вдавились в его тело.

– Ой! Антон?! Что ты делаешь? – кокетливо спросила девушка, которую от оргазма останавливали посторонние зрители. Лара захлопала ресницами с частотой маха стрекозы в полёте, интонация в голосе сделалась томной и кокетливой.

– Сегодня вечером заезжай ко мне, я тебе покажу свои новые фотки, – Антон арканил Лару к себе на хату, где по графику должен был быть санитарно-прачечный (хозяйственный)

день: ни Юльки, ни Лариски, ни кого бы то ни было ещё, а только Лара, которую вдруг так страстно захотел Антон.

– Эй, голубки! – вмешался в разговор Виктор Иванович, – вы вечером сегодня ещё пообщаетесь. Можно хоть немножечко о делах?

– Кто это? – спросила Лара у Антона, который до сих пор тискал подругу и ещё не убрал своей руки с попы девицы.

– Это – Виктор Иванович, – пояснил Антон. – Можно просто, Виктор Иванович.

– Лара, добрый день, – поздоровался с симпатичной красавицей Виктор Иванович, одетый, как все помнят, в костюм велосипедиста.

– Пошли, посмотрим там, это самое, значит, – включился в разговор Антон. – Вот, это самое, значит, Виктор Иванович скажет, что нам надо.

Уже в самом кабинете, где стоял большой офисный стол с банкеткой и пятью стульями для посетителей, большой старинный кожаный диван с массивными креслами по бокам, проявляла рабочую активность смазливая на внешность Виктория, длинноногая крашенная блондинка, сидевшая на строжайшей диете, то и дело курившая тонюсенькие сигаретки-пшикалки.

– Девочки! Все сюда! – Лара объявила быстрый сход и собрала вокруг дивана всю команду с одной единственной целью – подобрать лучшую программу отдыха двоим приятелям.

– Нам бы на Андейатику, – промямлил Антон.

– На Адриатику? Черногория или Италия? – переспросила Вика.

– Албания, – ошарашил всех сразу Виктор Иванович.

– Как Албания? Почему Албания? Вы что, серьёзно? – Лара лишь выразила общее мнение, которое кратко означало только полное отсутствие интеллекта, причем у обоих одновременно. Теперь девушки понимали, почему Виктор Иванович был столь странно экипирован.

– Хотим в пять звёзд на три недели по программе «всё включено», – спокойно и уверенно заметил Виктор Иванович. – Там же есть курорты на берегу Адриатического моря?

– Надо посмотреть, – и девчата быстро разбежались по своим рабочим местам.

Примерно через минуту послышались первые комментарии скудной информации про Албанию. Все без исключения поисковые системы отмечали лишь одно – Албания – это пиз@ец! Да не просто, а тотальный пиз@ец! Албания – это, прежде всего, абсолютная нищета и проституция, это – торговля наркотиками и контрафактом, это – высокий уровень преступности. Одним словом, это – пиз@ец всему и всем!

Лара посмотрела на мужиков, и немного пораскинув мозгами, посоветовала им пару дней подумать, пока она с девчатами сможет сделать хорошую подборку вариантов. А ещё она сказала, что каждому из них надо на всё про всё от тысячи евро.

Спускались по лестнице из офиса медленно и молча.

* * *

Светское общество. Пожилая дама рассказывает свой сон:

– Ох, я сегодня видела страшный сон! Как будто я засовываю палец в рот – а там ни одного зуба!

Поручик Ржевский:

– Мадам, Вы, наверное, палец не туда засунули? Не в ту дырку...

Случай из жизни

Подготовка к туру

Отпуск Виктора Ивановича уже начался. По Закону ему полагалось 56 календарных дней плюс дорога. Но на практике его руководство давало дней меньше, и чтобы выйти на законную цифру, преподаватели института «химичили» как только могли. Основная схема – больняк. Больничный лист на неделю – это как два пальца обоссать (прошу прощения за свой «французский». Как говорится, пардонте, пардоньте!). Две недели – это почти что одна, только гораздо дороже и более хлопотно. А вот три или четыре недели – это «высший пилотаж».

Антону же покидать Родину на длительный срок было просто глупо, т. к. бизнес его оставался неприкрытым и деньги, которые он всё время прокручивал, могли просто напросто потеряться.

Выход из ситуации подсказала сама жизнь. Надо было оставаться всё время на связи. И по телефону, оказывается, можно и вести дела, и руководить, и делать деньги. Только, дорогой читатель, ты помнишь, что события происходили не сейчас, а уже в далеком 2007 г.?! Ох, и много же воды утекло с той поры?!

В телефонии начался самый, что ни на есть прорыв. Появился 3g-интернет, появились первые смартфоны. Стоили они в те времена прилично, но и сегодня хороший смартфон стоит от тысячи евро и больше. Только функций тогда и сегодня у смартфонов было неодинаково. Виктор Иванович решил купить себе Nokia-N95. Ровно 1000 евро. Отдай и не грехи. Антон поставил на телефон программу fring, которая позволяла, как и skype, общаться с Родиной по wi-fi. Мужики наивно полагали, что в Албании везде будет интернет, да ещё и шаровый, и, разумеется, открытый wi-fi. Бред! Бред сивой кобылы. Даже сегодня эта мультка есть не везде. Более того, в Европе или в Африке надо ещё побегать, чтобы найти бесплатную зону wi-fi. Да, и это – жизнь. Европа, как говорится, это вам не Америка, где в отличие от Греции реально всё есть.

Через день Антон позвонил Виктору Ивановичу и сказал, что два вечера и две ночи он трахал Лару так, как давно уже никого не имел, но она, мол, чертова кукла, ниже, чем на полторы тысячи с носа не опускается. Более того, она говорит, что в Албании нет пятизвёздочных отелей и нет программы «всё включено». Она по-доброму советует пересмотреть свои планы на отдых и взять Италию, Грецию или Испанию, но только не Албанию.

А ещё Лара говорила, что лететь надо в Албанию через Москву, и что такой тур организовать очень и очень сложно.

– Да, Антон... Ты – не Антон! Ты просто гандон! Ты что, не можешь оттрахать свою подругу так, чтобы она сделала нам скидки? – удивлялся Виктор Иванович. – Ты мужик или ты не мужик? Я тебя, дружок, просто не понимаю?! Ну, что, мне тебе помочь? Да?

– Да нет, блин, я серьёзно говорю, что, это самое, значит, тема-то гнилая. Я прокачал ситуацию и, это самое, она правильно всё говорит. Я, блин, звонил и в Москву, и все говорят, что это всё просто ху@та! – Антон начинал нервничать.

– Антон, ты скажи честно, что ты не хочешь никуда лететь! Да?

– Да это же полный пизд@ц! Улететь на три недели, да ещё в эту самую ёб@нную Албанию!? На х@я, бля@ь, такое счастье, да ещё тогда, когда, это самое, бля@ь, денег х@й да ни х@я!

– А, понятно?! Так ты бы сразу бы и сказал, что, мол, денег у тебя нет, что тебе просто жалко тратить деньги на отдых...

– Ну! Так я же, блин, так и говорю?! – наконец-то раскололся Антон.

– Ясно! Сколько тебе надо дать денег, что бы ты изменил своё решение? – наседали на приятеля Виктор Иванович.

– Три косаря... А может быть и все пять... Как пойдет, – Антон быстро считал и называл сумму с учетом европейского прошлогоднего опыта, когда деньги улетали со скоростью пулеметной очереди.

– Так ты бы сразу мне так и сказал, гандон! – Виктор Иванович злился на Антона, который тянул резину и который жил за счет отпуска Виктора Ивановича. О, как! – Хорошо, я дам тебе пять штук евро. А когда ты мне их отдашь?

– Ну, я не знаю, блин, – начал было мямлить Антон, – возможно, через месяц или через два?!

– Так, дуй ко мне, составим договорчик на три месяца под пять процентов в месяц, и будем выкупать наш тур.

– А почему так дорого? – возмутился Антон.

– Не хнычь! Будь мужчиной! Сейчас сам видишь, всё дорого, а на себе любимом экономить – это последнее дело. Через сколько будешь?

– Ладно, через час буду.

– Давай через полчаса, мне надо ещё с собакой погулять.

– Так идите гулять. Погуляете, это самое, значит, я и, это самое,... – Антон что-то не договаривал.

– Короче, во сколько ты подъедешь?

– Через 40 минут, – сказал Антон после небольшой паузы.

Антону самому хотелось слетать на отдых в Албанию, т. к. никто из их общих знакомых там не был. Более того, он отлично знал, что у Виктора Ивановича не только нюх, но и отличный вкус к хорошему отдыху. И где только они вместе не отдыхали?! И везде было весело и стрёмно, везде они попадали в какие-то постоянные истории, приключения, о которых можно было бы написать кучу книжек...

Настроение Виктора Ивановича было приподнятым. Он несказанно радовался тому, что, во-первых, тур состоится, а во-вторых, он ещё и заработает на процентах. Деньги, которые он одалживал Антону, будут крутиться и работать. Никто из них в накладе не останется. Более того, банковский процент в сравнение с процентом Антона – это просто рай для умалишенных, это – мечта идиота. Совершенно очевидно, что только в России или на Украине можно было делать деньги из воздуха. Деньги просто валялись повсюду. Народ ходил по ним, топтал и пинал, не понимая одной простой истины, только «лёгкие» и «быстрые» деньги при определенных обстоятельствах могут превращаться в «подушки безопасности», в капитал, работающий пожизненно и надёжно.

Государство всё время дурит своих граждан, а каждый член общества в ответ пытается натянуть любимую Родину. У большинства это получается, но не на постоянной основе и не по крупному. И лишь единицы имеют и государство, и граждан, регулярно, банально и цинично, да ещё и на законной основе. Чудеса?!

Сменяются режимы, меняются общественно-экономические формации, но всегда были, есть и будут приспособленцы, готовые к освоению шальных финансовых потоков. Россия всегда была богата изворотливыми умами. Хитрецов и мошенников на Руси было, есть и, увы, будет очень и очень много. Туда-сюда снуют Александры Ивановичи Корейки, Остапы Бендеры, современные Матвиенко, Севенарды, Абрамовичи и Медведевы. Да разве же всех можно перечислить? Однако народ хочет знать, почему одним всё можно, а другим – кукишь? Почему одни всю жизнь вкалывают, вкалывают и вкалывают, едва-едва сводя концы с концами, а другие жируют и утопают в роскоши? Где же социальная справедливость? Где же Бог? Куда смотрит Всевышний?

Тута и смотрит, где есть бабло. Задумывался ли кто-нибудь о том, например, что лучше – иметь сына или дочь? В России сегодня принципиальной разницы нет, кого ты имеешь! Если ты, молодой, энергичный мужчина и имеешь девушку, дочь олигарха, то хочешь ты или нет,

но у тебя есть 100 % «везения» стать самому олигархом. Такая же байда и с девицами, которые раздвигают ноги и сосут у детей олигархов. Я прошу прощения за грубость слога, но, извините, пожалуйста, а как ещё всю эту «реальность» (мерзость) можно описать?!

В этой книге не найти будет ответов ни на один из этих или подобных им социально-политических вопросов. И не потому, что это – закрытая тема, а потому, что мне лично так кажется, что, как говорится, ответ знает только ветер. А как же судьба-злодейка или судьба-кудесница? И на этот вопрос тоже есть ответ: ветренная она баба, эта самая судьба, держащая свой нос по ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.